

1. *Петров М.К.* Историко-философские исследования. М., 1996.
2. Хрисанф, архимандрит. Религии древнего мира в их отношении к христианству: В 3 т. Т. 1. СПб., 1873.
3. *Quesnay F.* Despotism de la Chine // Oeuvres economiques et philosophiques de F. Quesnay. P., 1888.
4. *Род Ж.* Современный Китай. «Брокгауз-Ефрон», 1912.
5. [http: www.lib.muotr.ru/ ic/files/ Scitatin.ppt](http://www.lib.muotr.ru/ic/files/Scitatin.ppt).
6. *Прайс Д.* Малая наука, большая наука // Наука о науке. М., 1966.
7. *Петров М.К.* Самосознание и научное творчество. Ростов-н/Д, 1992.
8. *Блэккет П. М. С.* Ученый и слаборазвитые страны // Наука о науке. М., 1966.

Г.Г. ФЕСЕНКО

Город: философско-хозяйственные контексты

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть онтологический статус города в контексте философско-хозяйственных интерпретаций. Философско-эсхатологический контекст размышлений русских философов Серебряного века о городе представлен в перспективе «двух градов» как признание всей действительности эмпирической реальности, а также видения за ней иной реальности (как формы эманации Бога). Актуализируется анализ ценностно-смысловых аспектов городской действительности в перспективе человеческого бытия. Софийность рассматривается как ориентир для развития города.

Ключевые слова: метафизика города, креативный город, соборность, софийность, творчество, эсхатологизм.

Abstract. The article is invited to consider the ontological status of the city in the context of philosophical and economic interpretations. Philosophical and eschatological context reflections Russian Silver Age philosophers of the city is represented in the prospects of the «two Gradovs», in recognition of all reality empirical reality and the vision behind it a reality (as a form of emanations of God). Updated analysis of the value and meaning aspects of urban reality in the perspective of human existence. The Sophian is regarded as a landmark for the city's development.

Keywords: metaphysics of the city, creative city, Cathedral, the so-phian, creation, eschatology.

Город, являясь не только частью ландшафтной среды, а и своеобразной формой сожительства людей, представляется центром *хозяйственного притяжения*. В современной цивилизации социально-экономическое пространство города рассматривается как структурообразующий элемент мирового хозяйственного кода. В философских исследованиях динамика хозяйства города все чаще рассматривается через осмысление возможных вариантов включенности в него человека. Все более актуальными становятся концепции, в которых проблема городского хозяйства связывается с модальностью человеческого бытия.

В новоевропейской философии *город* представлялся искусственным пространством, отчужденным от человека, а также направленным против него. Так, Ж. Руссо отмечал, что люди, «закрываясь» в городах, морально ослабевают, а чем ближе нации к природе, тем больше доброты в их характере. О. Шпенглер оценивал рост численности городов как проявление вырождения цивилизации. Цивилизационная стихия, по мнению автора «Заката Европы», несет жителям города внутреннюю опустошенность. Согласно Г. Зиммелю, крупные города, традиционно являясь центрами денежного хозяйства, порождают и соответствующие «деловые» отношения к людям и вещам, при которых формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью, а сам «принцип денег устраняет всякую индивидуальность явлений» [1, 24]. Далее следует утверждение о том, что в сознании горожанина рождается неприятие города и форм его хозяйствования.

На рубеже XX—XXI вв. формулируются идеи «насилия большого города». Ж. Бодрийяр констатировал: «Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах, — это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия очевидным образом символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построений. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупца, никто не знает, как избавиться... Нью-Йорк — идеальный эпицентр конца мира» [2].

Философско-эсхатологический контекст размышлений о городе у русских философов Серебряного века (В. Соловьев, С. Булгаков, Н. Бердяев) — это признание всей действительности эмпирической реальности, а также видение за ней иной реальности (обе сферы бытия действительны, но иерархически неравноценны; эмпирическое бытие держится только благодаря «причастию» к «мистической реальности»). Город предстает как форма эманации Бога, мыслится как воплощение божественной идеи. В нем некий рубеж, когда старый мир гибнет в результате катастрофы, и в то же время совершается его обновление, рождение новой эпохи.

Философско-хозяйственная интерпретация города начинается с идеи Города — когда человек начинает огораживаться, организовывая вокруг себя пространство, ища некий центр в нем. Сама необходимость огораживания возникла тогда, когда человек был изгнан из рая и оказался предоставлен самому себе. Город воплощает само стремление человека вернуть, установить утраченный рай как Храм Божий и тем самым спастись от страха и одиночества. От Божественной идеи Града люди переходят к его строительству, воплощению, соответственно хозяйственное бытие города освящено преобразующим действием абсолютного начала в эмпирической сфере.

Все своеобразие русской философской традиции конца XIX — первой половины XX в. состоит в искании града Божьего, града грядущего, в ожидании сошествия на землю Небесного Иерусалима, в жажде всеобщего спасения и всеобщего блага, в апокалиптической настроенности. Будучи формой воплощения небесного града, Город состоит из двух градов — Града Небесного, Горнего, и Града Земного, Дольнего. Город создан как копия-форма Града Божьего, как результат поиска точки мира. Создается на чистом месте, в благом, непорочном пространстве. Город мыслится как мечта о Благе, о божественном обитании, о месте спасения, в котором всего вдоволь. Он красив, над ним сияет божественный свет. Небесный Иерусалим создан Богом в то же время, что и Рай, а город Иерусалим был примерной копией небесной модели. Этот Град вступает в борьбу с Градом земным, греховным, дьявольским, который в конце концов побеждает. Город-крепость сдается на милость победителю, его грабят и насилуют. Но есть шанс возродиться, поскольку исходно сохраняется сама идея города как формы собирания человека в точке мира.

В русской религиозной философии переосмысливается понятие священного города как духовного центра мира, функцию которого в общехристианских представлениях несет Иерусалим. В православной традиции, берущей истоки от святоотеческих интерпретаций Нового

Завета, перед кончиной мира антихрист воцаряется именно в Иерусалиме, что дискредитирует этот город и лишает сакрального значения в будущем. Интерес представляет город Киев как «гавань духа на берегу огромного степного океана азиатских просторов», как духовная и материальная альтернатива степному хаосу (не случайно центральный храм Киева посвящен Софии, мудрости Божьей). Этот город символизировал святость пространства разумного бытия на границе с внешней стихией. Главный храм Киева — София — был не только культовым сооружением, а и ознаменованнием этического порядка Космоса, центром ценностно-смыслового Универсума восточного славянства. Как материальное воплощение концепции софийности этот храм означал защиту от демонических сил, нерушимую стену святости и духа [3, 64—65]. Итак, город есть образ и подобие точки мира, модель божественной идеи, копия Града-Храма, Всемирного Города, который человек строит по примеру творца, первого строителя мира.

Город как метафизическая идея рождается в результате осознания человеком себя как метафизического существа, потерявшего Бога и пытающегося найти новую форму-копию Бога (город). Город представляется формой спасения и исцеления заблудшего человека. Метафизическая идея этой формы-копии Бога есть, по сути, идея собирания пространства вокруг центра, который мыслится как центр мира, точка мира, место, в котором рождается мир и через сопричастность к которому мир вновь всякий раз возрождается. Вместе с тем человек, желая идти к этому раю, «городит» свои утопии, города-солнца и вавилонские башни. В результате у него получаются города-чудища. У русских символистов город — символ бездушия и порока («город-Вампир», «Спрут», сатанинское наваждение, место безумия, ужаса).

Феномен Города, принимая на себя как позитивные, так и негативные черты, нуждается в философско-хозяйственной модели пространственного восприятия. В контексте хозяйственного богословия вся история человечества — борьба двух градов — Града Божьего (*Civitate Dei*) и Града Земного (*Civitate Terrena*). Выстроенный Город становится органом-проекцией человека, хозяйственной формой его личности. Город предстает как символическое тело человека (становится либо своеобразным хранилищем его органов, либо панцирем-склепом, его могилой). Как писал Блаженный Августин, «для души тело человеческое есть оковы и гробница». В этом случае человек как бы распинает себя на собственном символе, сам себя

закапывает в собственное чудовищное творение. Но это происходит, если человек забывает, что город — это Град Божий.

Русские философы Серебряного века сознательно выдвигали вопросы пересоздания действительности, выхода из субъективности к самообъективированию. Так, Н. Бердяев отмечал, что западная цивилизация в большей степени дорожит настоящим и охвачена идеей «благоустройства», для русской же культуры мироустройство не характерно. Город должен объективировать в формах наиболее глубокие и целостные явления мира (мир есть Град Божий, творимый человеком через синергию с Богом, по его образу и подобию). Для идеи города необходима, с одной стороны, идея Града Небесного, Града Духовного, с другой — Града Земного, Града душевного. На встрече двух градов начинается строительство. Два града — суть два тела (согрома), в которых обитают душа человеческая и Дух Божественный. Город возможен, прежде всего, как онтологическая идея, конституирующая и организующая повседневную жизнь людей. Не камень и гранит, а слово и смысл организуют тело идеи города. Российский философ С.А. Смирнов утверждает, что «быть горожанином — значит “городить”, строить “нерукотворенный Храм” души своей, заботиться о себе, огораживать себя от всякой нечисти» [4].

В русской философско-религиозной философии отмечается парадокс эсхатологического сознания, в котором конец не только отодвинут на неопределенное время в будущее, но и близок каждому мгновению жизни, и Апокалипсис есть не только откровение конца мира и истории, а и внутри каждого мгновения жизни. Н. Бердяев настаивал на активном понимании Апокалипсиса как призыва к творческой активности человека, к героическому усилию и подвигу. «Человек активно создает ад и рай. Рай и ад есть духовная жизнь человека, и они раскрываются в глубине духа. Только слабость сознания, пораженного грехом, выбрасывает рай и ад вовне, переносит их в объективный порядок, подобный порядку природы... Бог ожидает от нас, чтобы не ждали, а открывали мир... Творчество — условие изменения мира...» [5, 412—413]. Город, как заметил Ю. Лотман, это живой организм, постоянно меняющийся, являющийся нам в зазеркальных формах рефлексии (в том числе философско-хозяйственно). Жизненной стратегией горожанина, желающего увидеть Бога, становится «очищение зеркала души», возможное через «акт творчества в духе», знаменующий, по Н. Бердяеву, внутреннее движение к совершенству, это состояние позволяет отрешиться от мира эмпирического и соприкоснуться с миром божественным.

Философско-хозяйственную рамку Города как метаидею следует удерживать в виде осознания формы душевной и духовной организации личности человека. Профессор Ю. Осипов отмечает, что человек-творец, «бытуя, изменяется... метафизически... Творчество способно пробудить в думающем человеке, в особенности, в *философе хозяйства*, не столько чувство гордости за человека-творца, сколько чувство страха и даже отчаяния обычно текущей притупленного внешними потребительскими удобствами и физическими удовлетворениями» [5, 269].

С конца 1980-х гг. появился образ «творческого города» как своего рода призыв к открытости и воображению. Творчество рассматривается в контексте интеллекта, изобретательности. По всему миру более ста городов сейчас называют себя «креативными», вкладывая в это понятие, прежде всего, развитие искусства и творческой среды (новаторские бизнес-модели, изобретения и новые услуги) [6]. Если в промышленном городе люди скорее склонны к ценностям производства и эффективности, то в креативном — к самовыражению. Вместе с тем Ю. Осипов отмечает, что «мир уже живет в условиях *творческого тоталитаризма творчества*... творческая гонка в творчестве... способна закончиться всеобщей гибелью» [5, 270].

В современной урбанистике творчество — краеугольный камень для выстраивания среды «креативного города» [7]. «Креативный город» является создателем нового типа пространства, где люди не только живут и занимаются разнообразной деятельностью, но создают новый тип отношений, новую многогранную структуру общества. Эти новые отношения выражаются в системе расселения внутри города, создании новой топографии города, отражающей разнообразные формы социокультурной коммуникации. Вместе с тем креативный город не предполагает обязательную объективацию в создаваемых формах наиболее глубоких и целостных явления мира. (Творчество средневековой архитектуры было шагом навстречу человечеству, в нем было осознание своего предназначения как служения человеку на уровне потребностей в его экзистенциальных ощущениях; оно стало импульсом к последующим теориям «очеловечивания» среды обитания). В «креативных» городах искомое преобразование бытия так и осталось неосуществимым. Профессор Ю. Осипов отмечает: «Человек-*демиург*-создатель противоречивого мира, в котором, может, кое-кому, кое-когда и уютно, но в котором много не то что неуютства, но и самой настоящей смертельной угрозы. Мир, построенный человеком-творцом, — отнюдь не благодатный и не безопасный мир,

он в чем-то фундаментальном и *антимир*, ибо споспешествует он весьма *антижизни*» [5, 270].

Город как идея соборности человека, идея собирания его в целостность, требует философско-хозяйственного контекста, софийного творчества как проявления высшей энергии человеческой природы. В «Философии хозяйства» С. Булгакова отмечается, что «содержанием хозяйственной деятельности человека является не творчество жизни, но ее защита, воссоздание живого в натиск на омертвление... Мир органический, царство жизни в разных ее формах, окружен враждебной стихией смерти, мертвого механизма, давящей необходимости. Жизнь... лишь ценою страшных усилий спасается от истребления. Она несовершенна в себе самой, непрочна, временна, смертна, ее подстерегает небытие» [8, 117]. Современные города нуждаются в софийных хозяйственных формах, позволяющих превозмогать небытие [9]. Хозяйственное пространство города иерархично, в основу его не могут быть положены чисто земные интересы — следует стремиться к тому, чтобы «не заглушать» заданный свыше смысл жизни.

Таким образом, философско-хозяйственная интерпретация городов предполагает экспликацию мотива «двух град»». Город рождается сначала не в географическом месте, прежде всего, он нерукотворный храм души человеческой, храм личности. Город как образование идеальное есть форма идеи, определяющей в дальнейшем способ и образ жизни человека. А вещная форма лишь обрамляет идею города. На стыке города-камня и города-идеи и рождается в сознании человека хозяйственная форма города. Парадоксальность и сложность проблемы состоят в том, что город, с одной стороны, материален, веществен, воплощен в камне и металле (он телесен и брутален по отношению к отдельному индивиду), с другой стороны, — это метафизическая реальность, постоянно переживающая метаморфозы в сознании человека. Город является формой спасения и исцеления заблудшего человека. В такой философско-хозяйственной перспективе парадигма развития мегаполиса неизбежно связана со сменой установок — от потребительски ориентированного преобразования внешней среды на преобразование внутренней среды (ценностей, мотиваций, приоритетов).

Литература

1. Зimmel Г. Большие города и духовная жизнь // Логос: Журнал по философии и прагматике культуры. 2002. № 3—4 (34).

2. *Бодрийяр Ж.* Город и ненависть // http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Vodr/Gor_Nas.php (дата обращения: 27.10.2013).
3. *Кримський С.Б.* Запити філософських смислів. К., 2003.
4. *Смирнов С.А.* Антропология города или о судьбах философии урбанизма в России // <http://antropolog.ru/doc/persons/smirnov/smirnovgorod> (дата обращения: 27.10.2013).
5. *Осипов Ю.М.* Творчество // *Философия хозяйства*. 2009. № 1.
6. *Бердяев Н.А.* О назначении человека // *Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики*. М.; Харьков; 2003.
7. *Лэндри Ч.* Креативный город. М., 2011.
8. *Булгаков С.Н.* *Философия хозяйства*. М., 1990.
9. *Вальева М.В., Платонова Ю.А.* Социальная ответственность и хозяйственная деятельность: софийное хозяйство С.Н.Булгакова и современная концепция устойчивого развития // *Философия хозяйства*. 2013. № 4.